

*Посвящается Энн-Мари,
которая первой сказала мне,
что я это смогу,
и Саре, благодаря которой
я делаю это лучше*

И каждый взгляд меня клянёт.
Хотя молчат уста,
И мертвый Альбатрос на мне
Висит взамен креста¹.

*Сэмюэл Тэйлор Кольридж,
«Сказание о Старом Мореходе»*

¹ Здесь и далее пер. В. Левики.

Часть I

КЭТРИН

Я спрашивала себя, способна ли убить. Смогу ли я, глядя в глаза живого существа, совершить одно неправомерное действие, обрывающее жизнь. Спрашивала — и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается.

День второй

Вторник, 1 ноября 1994 года

1

Я убеждена, что при определенных обстоятельствах на убийство способен каждый. Нужен лишь достаточно сильный мотив. Вопрос в том, готова ли я? Наверное. Потому что в последнее время ни о чем другом я не думаю.

Полночь наступила минуту назад. Через два дня будет третье ноября. Еще два дня. *Готова ли я?*

Что-то движется. Это не вода, окружающая меня со всех сторон и совершенно неподвижная, а отражение птицы. Мне не нужно поднимать голову — я и так знаю, что это гигантский буревестник. Массивные птицы, похожие на доисторических чудовищ, с размахом крыльев до трех метров и загнутым клювом, часто следуют за мной, особенно

когда я выхожу в море ночью, и не отстают от лодки, как бы далеко и быстро я ни плыла.

Сейчас я никуда не плыву. Сажу в кокпите¹ и смотрю на фотографию сыновей. Наверное, уже давно, потому что чувствую резь в глазах. Я крепко зажмуриваюсь, а затем заставляю себя отвести взгляд.

На фоне ночного неба выделяются силуэты далеких гор. Вода похожа на старое зеркало: местами в паутине трещин, слегка мутное. Иногда с ним это бывает, с океаном. Он становится настолько не похожим на себя, что ты мгновенно теряешься, забывая о том, что это одно из самых суровых и безжалостных мест на земле.

Я стою на якоре у побережья Фолклендских островов — крошечного архипелага в Южной Атлантике. Настолько далекого от всего, что может быть интересно, а также от главных событий, происходящих на мировой арене, что на протяжении многих веков на него почти никто не обращал внимания. Но потом он стал брошенной костью, за которую, словно собаки, дрались движимые эгоизмом политики.

Несколько коротких недель о нас говорил весь мир. Но это было более десяти лет назад, и вскоре все снова о нас забыли.

Но мы ничего не забыли — и Аргентина тоже. Даже через двенадцать лет после пинка под зад, который получили тамошние власти, они время от времени с вожделием посматривают в нашу сторону. Аргентинцы говорят, что Мальвинские острова² принадлежат им. Мы посылаем аргентинцев подальше.

¹ К о к п и т — внутреннее пространство судна, предназначенное для нахождения в нем рулевого и пассажиров.

² Аргентина до сих пор называет этот архипелаг Мальвинскими островами, в то время как для всего остального мира они остаются Фолклендскими.

Нельзя сказать, что мы очень рады тому, во что превратились: в дорогую игрушку, один из последних осколков Британской империи. Мы мечтаем о независимости, о собственных доходах, которые позволят себя защищать. Надежда эта призрачная. И мы никогда не чувствуем себя в безопасности.

Фотография моих сыновей выцвела. Сейчас это не очень заметно, но при дневном свете красная куртка Кита выглядит тускло-розовой, а желтые ботинки Нэда приобретают нездоровый коричневатый оттенок.

Неподвижное отражение луны неотличимо от оригинала, словно она упала с неба в воду, целая и невредимая, и лежит прямо за кормой, легкая и бесплотная, похожая на лепесток деревянной стружки, а вокруг разбросаны звезды, как будто кто-то беспорядочно разбрызгал краску по поверхности океана. В этом отдаленном уголке Южной Атлантики нет светового загрязнения, и кажется, что звезды окружают меня со всех сторон. Когда я жила в Северном полушарии, где они — просто булавочные уколы света, иногда почти полностью невидимые, то часто забывала о том, как их много. Но здесь, дома, выходя в океан ночью, каждый раз вспоминаю о необъятности неба.

Я встаю, зная, что у меня осталось около двадцати минут. Меняю баллон, проверяю уровень кислорода, надеваю маску, беру в рот загубник и шагаю с кормы.

Вода мгновенно окутывает меня ледяным одеялом. Несмотря на защитный гидрокостюм, холод пробирает до костей, но я не обращаю на него внимания. Это — часть процесса акклиматизации. Превращение из существа, ползающего по земле, в морского обитателя.

Здесь неглубоко, не больше двадцати метров. Конечно, удалившись так далеко от берега в одиночку, я нарушила первейшее правило безопасности дайверов, но рядом нет никого, обладающего достаточным авторитетом или

влиянием, чтобы меня остановить. И, кроме того, меня не слишком волнует собственная безопасность.

Я нахожу глазами трос, который уходит в глубину и исчезает в темноте, стравливаю воздух из гидрокостюма и погружаюсь. На глубине нескольких футов переворачиваюсь и плыву к густым зарослям ламинарии.

Ламинария, которую большинство людей называют просто морскими водорослями, растет здесь в изобилии. Прикрепившись к морскому дну чем-то вроде корневой системы, она тянется к свету. Ее листовидные отростки и усики поддерживаются в вертикальном положении пузырьками, заполненными воздухом.

Много лет назад здесь затонуло судно. Его разрушающийся корпус определяет величественную подводную архитектуру этого места. Громадные обломки дерева, колонизированные морскими обитателями, поднимаются над морским дном, словно подводные города. А над ними возвышается похожая на древний лес ламинария, плавное движение которой не останавливается ни на секунду.

Поравнявшись с верхушками водорослей, я продолжаю спуск. В этой чистой воде при дневном свете меня окружали бы необыкновенно яркие краски, но ночью оттенки стали мягкими, приглушенными: кремовая ламинария, темно-синяя дымчатая вода, редкие рубиновые сполохи крабов, ползущих по песку.

Я собираю морских ежей. Заросли ламинарии — излюбленное место нереста рыб. В последнее время водорослей стало меньше, и одна из возможных причин состоит в том, что морские ежи объедают их корни. Нам с коллегами нужно понять, появились ли в наших местах новые виды или просто популяция этих животных стала немного прожорливее. Продажа лицензий на промысел рыбы могла бы стать очень выгодной для экономики островов. Рыба важна, а значит, важны леса ламинарии и мои морские

ежи. Ночь они проведут в холодильных камерах на лодке, а утром я отвезу их в свою лабораторию в Стэнли.

Многие дайверы не любят ламинарию. Им неприятно ее прикосновение, и они опасаются, что их руки и ноги запутаются в похожих на щупальца отростках. Мне же нравится чувство безопасности, которое дает этот «лес». Я наслаждаюсь своей незаметностью, возможностью застать врасплох других обитателей моря, хотя иногда врасплох застают меня. В водорослевых зарослях погружения для сбора материала всегда проходят успешнее.

Внезапно понимаю, что я здесь не одна. Кто-то приближается. Водоросли передо мною ритмично движутся, а через секунду я оказываюсь практически нос к носу с молодым морским котиком. Он смотрит мне в глаза, затем снова устремляется за добычей. Она такая быстрая, что я даже не успеваю определить, что это за рыба. Смотрю, как они делают зигзаги над океанским дном, но тревожное ощущение никуда не девается.

Это происходит мгновенно. Над моей головой появляется гигантская тень, вода начинает давить с огромной силой, и кто-то большой устремляется к морскому котик. Они налетают друг на друга. Яростное трепыхание, разорванная плоть. Вода вскипает струей пузырьков, и животные снова разъединяются.

Непрошенный гость — это морской слон, крупный самец больше двух метров длиной. Он гораздо медленнее своей жертвы, но чрезвычайно силен. В зарослях ламинарии начинается яростная погоня, и я понимаю, что нахожусь в опасности.

Морской слон обычно не нападает на людей и даже на крупных тюленей, но этот увлечен охотой, им движет жажда убийства. Вода уже окрасилась кровью морского котика. Если он ускользнет, а морской слон заметит меня, то будет действовать не задумываясь. Я замираю, при-

сев на корточки среди стеблей и надеясь, что погоня уйдет в сторону...

Зря. Морской котик плывет прямо ко мне, собираясь нырнуть и спрятаться в густых зарослях, но тут сверху обрушивается морской слон. Он смыкает свои мощные челюсти на шее жертвы и яростно трясет. Через несколько секунд голова морского котика бессильно повисает. Морской слон поднимается к поверхности со своей добычей.

Вот так это и происходит. Быстро, жестоко, без каких-либо сомнений и раздумий. Именно так мы убиваем. Сегодня я много думала о смерти. И когда сидела на поверхности океана, и когда погружалась на глубину... размышляла о смерти и о способности людей приносить смерть. О том, способна ли я убить.

В конце концов, я из рода потомственных убийц. Мой дед, с подходящим именем Бартоломью Гроб, был одним из самых успешных и безжалостных убийц, которых только знал этот уголок мира. День за днем он вместе со своей бандой уходил на охоту и без отдыха и жалости преследовал добычу, наблюдая, как океан становится красным от крови. Дедушка убивал китов, а не людей, но ведь разница не слишком велика, правда?

Последний морской еж оказывается в мешке. Мне больше нечего здесь делать. Поднимаясь на поверхность в окружении пузырьков воздуха, я еще с глубины в несколько футов¹ замечаю звезды. А вынырнув, не сразу захожу лодку. Пока я была под водой, сковавшие океан чары рассеялись, и вода снова пришла в движение. Вокруг вздымаются волны, и мне становится не по себе. Я одна, далеко в море. И если не смогу вернуться к лодке, то умру здесь. Меня уже довольно давно не покидает ощущение,

¹ 1 фут = 30,48 см.

что жизнь подходит к концу. Значит, это будет вот так? Значит, мне суждено умереть сегодня?

Нет, вот она, лодка, меньше чем в двадцати метрах от меня.

Куини проснулась. Она бежит вдоль борта, пока я не хватаюсь за трап и не поднимаюсь на палубу. Склоняюсь над ней, чтобы погладить, и с меня стекает вода. Куини убегает и приносит в зубах старое полотенце со своей подстилки. Оно все в грязи и собачьей шерсти, но я оценила порыв.

Куини — стаффордширский терьер, но слишком маленькая для своей породы: маленький клубок мускулов и мягкой, шелковистой шерсти. Нос, ноги и кончик хвоста у нее белые, а все остальное — черное, как мысли в моей голове. Ей четыре года, и я готова поклясться, что иногда она вспоминает мальчиков. Что она тоже скорбит по ним.

Поднимаю якорь, завожу двигатель, беру курс на юг, к Стэнли, и снова вспоминаю дедушку. Сегодня мои мысли упорно держатся мрачного направления, а тайные планы пробираются в самые темные закоулки сознания, словно ползущие по лесной почве цепкие корни.

Дедушка Гроб, отец моего отца, был одним из великих китобоев Южной Америки, последним из династии морских охотников, основатель которой покинул Нантакет¹ в 1804 году и четыре месяца спустя прибыл на Нью-Айленд на Фолклендских островах. Следующие две сотни лет они грабили острова и окружающий их океан. Дикая природа этих мест, на суше и на море, до сих пор не может восстановить ущерб, нанесенный дедушкой Гробом и его предками.

Он умер, когда я была совсем маленькой. Жаль...

¹Нантакет — остров в Атлантическом океане у Восточного побережья Северной Америки.

Сворачиваю в более спокойные воды Порт-Уильяма и слегка меняю курс, чтобы пройти как можно дальше от круизного лайнера «Принсесс Ройял». До конца лета здесь пройдет непрерывная вереница таких судов, останавливающихся у нас на несколько дней по пути к Южной Георгии¹ и Антарктиде. Сотни туристов, ежедневно высаживающихся на берег, когда лайнер заходит в гавань, — настоящая палка о двух концах. И местное население в равной степени радо и недоволено. Сегодня в порту необычно оживленно и шумно. Несмотря на поздний час, пассажиры таких судов склонны к буйному веселью, так что звуки пирушки бывают слышны за много миль от берега.

Не замеченная столпившимися на палубе лайнера людьми, проскальзываю мимо и направляюсь к внутренней гавани. Уже почти час ночи. Скоро я буду отсчитывать часы, а не дни. Мне еще нужно закончить кое-какие дела, выполнить обещания, данные другим людям... Свободного времени не будет, и это хорошо.

Осматриваю лодку. Баки с бензином и водой залиты доверху. В запертом шкафчике хранится пневматический пистолет, стреляющий дротиками со снотворным, на тот случай, если понадобится усыпить крупное млекопитающее, и старый дедушкин револьвер, если единственным вариантом останется самоубийство. Оба «ствола» исправны и в рабочем состоянии. Я готова. Готова выяснить, насколько сильна кровь предков в моих жилах.

Направляю лодку в узкий проход, ведущий во внутреннюю гавань, — и сразу же понимаю, что тщательно разработанные планы могут пойти прахом.

Меня ждет полиция.

¹ Южная Георгия — крупный субантарктический остров в Южной Атлантике.

2

За время моего недолгого отсутствия что-то случилось. Большая часть населения Фолклендских островов живет в Стэнли, но это все равно маленький поселок: семь сотен домов и около двух тысяч человек. Три часа назад, когда я выходила в море, склон холма усеивали сотни крошечных, похожих на звезды огоньков от фонарей из тыкв, но теперь все они погасли. К этому часу Стэнли должен был погрузиться в почти полную темноту. Но не погрузился. Я вижу, как вдоль берега едет полицейская машина, а на пристани мигают синие проблесковые маячки.

Прошло три года. Почти день в день с прошлого раза, когда я вошла в гавань, а меня там ждала полиция.

«Произошел несчастный случай. — Три года спустя я все еще отчетливо помню хриплый, дрожащий голос Бена из рации. — Нэда и Кита везут в больницу, больше я ничего не знаю. Езжай туда как можно скорее».

Он сразу же отключил связь, оставив меня воображать худшее. Но я не могла. Не могла себе этого позволить. Я представляла, что им больно. Представляла их маленькие совершенные тела, избитые, изломанные и изрезанные острым, как лезвие, металлом. Весь обратный путь до Стэнли в моей голове звучали их голоса: мальчики плакали и звали маму, не понимая, почему меня нет рядом, когда я нужна им больше всего. Я представляла оторванные руки и ноги, шрамы на милых лицах. Но только не два безжизненных тела, лежащих рядом в море.

Поддавшись печальным воспоминаниям, я слишком сильно нажимаю на рукоятку дросселя¹. Не стоит входить в гавань слишком быстро — здесь есть камни и затонувшие корабли. Заставляю себя сбавить скорость и жду, ког-

¹ Дроссель — устройство для изменения расхода рабочей жидкости с целью регулирования скорости.